

## ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРА ФАКТОВ В СМЫСЛЫ ФАКТОВ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ К.-О. АПЕЛЯ

Обосновывается, что интерсубъективность единой интерпретации мира как таковая определяется коммуникативным сообществом, априорность которого предопределена трансцендентальностью языковой игры. Импликативность дискурса по отношению к предпосылке познания рассматривается не как историческая, а как априорная. Значение фактора мира (внеязыковой действительности) имеет особое содержание; мир фактов – мир смыслов – это дихотомия, перманентно определяющая актуальность конкретного априорного выбора субъекта познания.

**Ключевые слова:** коммуникативное сообщество; К.-О. Апель; импликативность дискурса; конвенциональность; понимание.

Признав ранее необходимость применения конвенционального критерия по умолчанию в постпозитивизме с точки зрения разрешения проблемы верифицируемости знания посредством интерсубъективности [1], мы можем констатировать определённую ограниченность языка уже *устоявшейся* (как бы уже имеющейся) моделью языка [2. С. 27]. В связи с этим возникает вопрос о том, *каким образом* уже (до момента конституирования теории, гипотезы и т.д.) «случилась» модель языка? Другими словами, вопрос в том, что язык (конкретным образом функционирующая модель) как динамический объект, имеющий, соответственно, начало – протекание / длительность – окончание, функционирует совершенно конкретным способом, понимание которого возможно для нас исключительно *a posteriori*, т.е. из сконструированного им дискурса; при этом и сам феномен динамичности модели указывает на фактор исключительно апостериорной возможности понимания, несмотря на то что только наше пошаговое *следование за* (или вместе с) динамической моделью гарантирует понимание чего-либо, в конечном итоге репрезентированного моделью<sup>1</sup>.

«(Понимая предложения Гёте, мы понимаем самих себя, т.е., в частности: язык, который мы разделяем с Гёте, и заключённую в нём возможность понимать мир). Также и знаменитый “герменевтический круг”, в соответствии с которым мы уже должны иметь возможность уточнять наше предпонимание, опираясь на методически оформленные процедуры понимания ... в предложениях о смысле предложений, т.е. в предложениях о языке, субъект языка, согласно Витгенштейну, также, в конце концов, имеет дело с самим собой...» [3. С. 113, 114], – отмечает К.-О. Апель<sup>2</sup>. Значит, если иметь в виду указанный принцип «герменевтического круга», то предпонимание – это элемент, абсолютно интегрированный в данный *круг* / модель, что само по себе совершенно никак не может помочь в уточнении процедуры нашего пошагового (осмысленного) *следования*. То есть понимание как использование схемы, конституирующей дискурс, априорно в силу трансцендентального характера как субъекта, так и языка. Поэтому ситуация, de facto предложенная «герменевтическим кругом», не может указать выход за пределы данного *круга*. Следовательно, вопрос об уже имеющейся модели языка – это вопрос в контексте рефлексии над «понятием осмысленного языка» [3. С. 115], которая является атрибу-

том наук о духе. Другими словами, конструирование методологии той или иной модели (языка) является констатацией анализа представленных в ней возможных / имеющихся, в самом широком смысле, причинно-следственных отношений, ограниченных фактором трансцендентального. Если учитывать различие между возможными и актуальными положениями вещей, которые Л. Витгенштейн рассматривает как интенции и конвенции соответственно, то следует также признать, что именно интенциональная составляющая модели, в любом случае присутствующая как возможный ряд не актуализированных в ней элементов, обуславливает динамику последней в связи с образующимся множеством её возможных интерпретаций. В этой связи понятие кварка [1] может быть примером с точки зрения интенциональности, определяющей множество интерпретаций: кварк как элементарная (фундаментальная) частица Стандартной модели, безусловно, определённым образом *соотносится* с бозоном Хиггса, также являющимся элементарной частицей, обладающей нулевым спином. Дело в том, что обе частицы, во-первых, *заданы* трансцендентальным представлением о делимости, а во-вторых, обе эти частицы (их *деятельность*) могут быть актуализированы исключительно не-целостно, т.е. при определённых условиях и только в определённых аспектах – целиком ни кварк, ни бозон «не производят действия» [4]<sup>3</sup>. Из чего следует, что именно дихотомия «целостность – делимость» предопределяет множество данной (интерпретационной) модели, что и задаёт её динамику.

Однако рассматриваемая нами проблема (проблема *противостояния* «logic of science» и наук о духе) связана с тем, что К.-О. Апель определяет как смещение смыслов факта. Дело в том, что последнее возможно в связи с перераспределением субъектно-объектных отношений: «...проблема сознания как субъекта... научного познания, можно сказать, устранена. Эти *языки* науки как «semantical frameworks» («семантические каркасы») представляют собой новый субстрат априорных правил, в которых заранее выносятся решение о возможном описании и объяснении “вещей в той мере, в какой они образуют некую закономерную взаимосвязь”» [3. С. 171].

Таким образом, исключение (кантовского) субъекта познания привело к фактическому исключению и объекта познания, так как теории, гипотезы и т.д. теперь должны соотноситься с логической согласован-

ностью языка и пр. Факт (однозначно являясь лингвистической репрезентацией объекта, в широком смысле) теперь *не должен* и *не может* соотноситься с объектом или положением вещей в силу того, что при данных правилах игры синтаксически-семантические структуры непосредственно *гарантируют* интересубъективную значимость науки. Поэтому, ввиду изложенного, множество интерпретаций модели (языка, теории и др.), предопределённое интенционально, свидетельствует не о перманентной априорной *неопределённости* субъекта познания, а исключительно об априорной приоритетности семантико-синтаксической языковой структуры, постулируя таким образом некую *самодостаточную* систему означаемого. Так и происходит трансформация субъекта познания в пределах данной схемы, ориентирующейся на классический принцип соответствия факта действительности. Другими словами, субъект познания, конституирующий объект познания, по определению, теперь либо *воспринимает* существующий объект *так-то* посредством семантико-синтаксической структуры, либо в силу не совсем понятных причин не воспринимает его. И в этой ситуации, конечно же, речь идёт об элиминировании субъектно-объектных отношений. Именно поэтому «...современные логики науки, исходящие из семиотической или же аналитически-языковой основы рефлексии, постулируют, что путём *интерпретации* знаков должно быть достигнуто нечто вроде интересубъективно единой *интерпретации* мира» [3. С. 174].

Из этого следует, что интересубъективность единой интерпретации мира как таковая определяется коммуникативным сообществом, априорность которого предопределена трансцендентальностью языковой игры. Такое положение дел отсылает нас к «иррациональному решению» К. Поппера, так как априорность интересубъективности трансцендентальна вне всякого сомнения. Но и в рамках данной схемы рассуждения появляется вопрос о предпосылке / аргументе познания. По сути, невзирая на принятие нами всевозможных правил-ограничителей и признание предельных контекстуальных аргументов, сам по себе возникает вопрос о достоверности / правомерности схемы рассуждения, причём данный вопрос возникает, как это ни странно на первый взгляд, интересубъективно, т.е. априорное коммуникативное сообщество озабочено возможностью *легитимации* данной схемы в принципе. Это свидетельствует о том, что схема, репрезентирующая определённый аргумент, и проблема достоверности самой данной схемы взаимосвязаны приблизительно так же, как язык – метаязык<sup>4</sup>. Поэтому рассуждение К.-О. Апеля: «...для того, кто аргументирует... – это является предельным, тем, что не может вводить в заблуждение... когда речь идёт о предельном основании... философствующему не надо выбирать, будет ли он принадлежать к критическому сообществу догматически или же в силу “иррационального решения”...» [3. С. 195], свидетельствует не только об отсутствии фактической разницы между догматикой и иррациональностью, но и о том, что предпосылка познания / аргумент – основание любой конституируемой (всей) схемы; т.е. дискурс – это её *следствие*, дискурс имплицативно обусловлен [5]<sup>5</sup>.

Следовательно, проблема сводится к основанию такого рода предпосылки / аргумента. Разрешение этой проблемы посредством сведения данного основания к истории коммуникативного сообщества [3. С. 195–196] представляется не совсем оправданным вследствие рациональной неопределённости самой данной истории. Отсутствие *предпоимания* (как в примере с герменевтическим кругом) не проясняет ситуацию, а ещё более усугубляет невозможность *понимания*. Имплицативность дискурса по отношению к предпосылке познания, скорее, не исторична, а априорна.

Исходя из вышесформулированного, возникает вопрос относительно значения трансцендентальной языковой игры с точки зрения конституирования новой языковой игры. Так как априорный статус предпосылки познания имплицитно предполагает возможность чего угодно, то конкретный вариант (актуализации) той или иной реализовывающейся языковой игры, очевидно, определяется всё-таки априорностью аспекта видения, по Л. Витгенштейну, по отношению к которой и возникают проблемы с точки зрения теории познания. То есть априорность выбора, во-первых, транслирует необходимость *последнего основания* (схемы), во-вторых, постулирует и некую предопределённость самой схемы, репрезентацией которой является языковая игра. Следовательно, схема может быть представлена в качестве результата *взаимодействия* априорного выбора и реализованного посредством пошагового алгоритма, представленного схемой / языковой игрой, актуальной для действующего субъекта. В этом случае сверхважным является значение фактора *мира* (внеязыковой действительности); мир фактов – мир смыслов – это дихотомия, перманентно определяющая актуальность конкретного априорного выбора субъекта познания.

К.-О. Апель отмечает следующее: «...для отдельного человека должно быть возможно вводить новые правила, которые, не исключено, *фактически* не подлежат проверке в существующем коммуникативном сообществе на основании «парадигмы» существующей языковой игры... Таков случай всех *непонятных* первооткрывателей и научных изобретателей новых методических начинаний...» [3. С. 253]. Но всё «непонятное», с точки зрения истории коммуникативного сообщества, тем не менее, одновременно и появляется из той же (*исторической*) области<sup>6</sup>. Поэтому вопрос о возможности введения новых правил субъектом познания как членом коммуникативного сообщества напрямую связан с тем, что К.-О. Апель определяет как компетенцию, обуславливающую (при определённых условиях) осуществление рефлексии «над собственным языком или формой жизни и для осуществления коммуникации со всеми другими языковыми играми» [3. С. 253]. Другими словами, трансцендентальная языковая игра, предвосхищаемая конкретной языковой игрой [3. С. 253], делает возможным использование тех принципов, которые мы называем априорными и которые обуславливают, таким образом, формирование компетенций, необходимых для рефлексирования над уже существующей историей парадигмы, языковой игры и т.п. Если при этом мы

будем учитывать, что субъект познания может быть как коллективным, так и индивидуальным, то нам необходимо уточнение: индивидуальный субъект познания, обладая вышеуказанной компетенцией, сможет рефлексировать и, соответственно, формулировать новое знание (это касается первооткрывателей и научных изобретателей, по К.-О. Апелю), но *такое* знание может приобрести качество знания в глазах коллективного субъекта познания (коммуникативного сообщества) только при появлении у последнего соответствующей компетенции, до этого момента коммуникативное сообщество лишено возможности коммуникации с другими языковыми играми. Однако если данная компетенция всё-таки возникла хотя бы и у одного-единственного представителя априорного коммуникативного сообщества, это указывает на то, что данная компетенция сформировалась в рамках истории этого коммуникативного сообщества, т.е. без последней компетенция была бы невозможной. Из чего следует, что возможность реализации конкретной языковой игры, как для одного, так и для всех членов коммуникативного сообщества, определяется фактором трансцендентальности языковой игры как феномена.

Фактор трансцендентальности языковой игры представляется весьма значимым и с точки зрения правил «возможного обозначения мира»: «...мы больше не полагаемся на кантовский тезис о сформированных до нас в синтетических суждениях априорных мировых закономерностях, а сознательно и произвольно конструируем то, что должно считаться априори возможным значения суждений: правила логической семантики» [3. С. 39]. То есть посредством бесконечной иерархизации метаязыка мы пытаемся *соотнести* истинность обозначающего (языка) и обозначаемого (мира), при этом мы полагаем, что данное *соотнесение* будет, безусловно, «истинным». Таким образом, правила соотношения элементов предопределяют *истинность* конституируемой ими схемы и т.д. К.-О. Апель обращает внимание на то, что такого рода конструирование приходит, *в принципе*, к противоречию с теорией истины, но, с позитивистской точки зрения, невзирая на явную догматичность подобного утверждения, конвенциональная природа данного типа конструирования вполне удовлетворяет требованиям. Имеет ли отношение эта конвенциональность к вопросу о трансцендентальности языковой игры? Следуя К.-О. Апелю, скорее всего, да, так как актуализация конкретной конвенции является не чем иным, как реализацией *конкретной* языковой игры, обусловленной фактором своей трансцендентальности. В таком случае проблема истины *соотнесения*, очевидно, также может быть объяснена посредством феномена конвенциональности. «Надо избавиться от вредной привычки *путать означаемое с референтом*» [5. С. 62], – указывает У. Эко, определяя содержание понятия «значение».

Проблема иерархизации метаязыков и, соответственно, проблема наиболее «высокого» метаязыка в его отношении к обыденному языку (по сути, проблема *следования* в бесконечность...) указывает не только на бесперспективность следования в *таком*

направлении<sup>7</sup>, но и на (логико-семантико-синтаксическую) некорректность противопоставления языка обыденного и метаязыка. «Из обыденного языка логические семантики заимствуют спекулятивную точку зрения («значение!») своей конструкции правил, и эта точка зрения должна подтверждаться, когда правила установления значения ... допускают определённую объективную интерпретацию системы, т.е. её определённый перевод на понятия обыденного языка» [3. С. 41], – приходит к заключению К.-О. Апель, так как всем этим заимствованиям просто нет и не может быть другого *основания*.

Другими словами, проблема «фактической правильности языковых предложений» [3. С. 42] – это проблема, предопределённая отношениями языковых знаков и внеязыковых фактов. Учитывая игнорируемую логическим позитивизмом дихотомию «истин факта» и «истин разума» [3. С. 42], можно предположить, что отношения между языковой и внеязыковой действительностью, определённым образом а priori конструируемые в конкретном дискурсе, являются для субъекта познания не чем иным, как тем, что К.-О. Апель называет самополаганием связующего рассудка: «Одни лишь правила “логического синтаксиса» и “логической семантики” не позволят понять ни единого связанного с миром значения, которое, тем не менее, нечто говорит пользователям языка. Если для нас здесь что-то и доступно, то только при условии, что «значение» в смысле значительности ... *предполагается* заранее... и это заранее предполагаемое значение... мы, люди, как бы там ни было, артикулируем с помощью языка» [3. С. 42].

Л. Витгенштейн абсолютно прав, утверждая, что мир – это факты в логическом пространстве [6], и это ни в коей мере не противоречит его же утверждению относительно понимания посредством *сопричастности* той или иной форме жизни [7]. Вопрос только в основании данной сопричастности, т.е. каким образом данная сопричастность становится актуальной. Следовательно, механизм сопричастности посредством корреляции двух систем (мира фактов и мира языковых знаков), по умолчанию, остаётся нетранспарентным для субъекта познания, конституирующего на основании данного механизма дискурс познания. Объяснение данного процесса путём отсылки к «чистому самополаганию связующего рассудка» [3. С. 42], традиционному для логического позитивизма, не может помочь в разрешении указанной проблемы соотнесения в силу того, что основным атрибутом верификации знания является всё-таки *интерсубъективность*, т.е. данное *основание* (интерсубъективность), по определению, не предполагает качества *последнего порядка*. Значит, имплицативность дискурса «развивается» определённым образом (*так-то*) в силу своей изначальной заданности, о которой интерсубъективность нам ничего не сообщает.

В этой связи, с точки зрения сравнения видения *logic of sciences* и наук о духе, весьма продуктивным может быть анализ трансцендентально-герменевтической проблемы самого К.-О. Апеля: «...в современной человеческой цивилизации не сохранился отмечаемый всеми знатоками первобытных культур ква-

зимоначеский характер *языковых игр* (в смысле Витгенштейна), «сплетённых» с архаическими формами жизни. Различие языковых игр как форм жизни, конечно, не исчезло, но оно в какой-то мере переиграно языковой игрой науки (при всех своих сложностях всё же устанавливающей коммуникативное единство)...» [3. С. 256].

Дело в том, что данный тезис К.-О. Апеля является трендовым с точки зрения логического позитивизма, так как по факту утверждает приоритетность науки как одной из форм жизни, тем самым, соответственно, отказывая в приоритетности всем другим формам жизни, элиминируя синкретичность мышления, которая, в свою очередь, на протяжении истории обуславливала возможность различных приоритетов (науки, религии, мифа). Если исходить из возможности синкретизма мышления, то конституирование приоритета того или иного понятия в тот или иной период становится более обоснованным.

В качестве примера воспользуемся следующим рассуждением Н. Хомского: «Ньютон считал своё открытие действия на расстоянии, вопреки базовым принципам механистической философии... Абсурдом... Тем не менее, он был вынужден заключить, что этот Абсурд «действительно существует». «Ньютон не имел тому вообще никакого физического объяснения»... Ньютон продемонстрировал, что «чисто мате-

риалистическая или механистическая физика» «невозможна». Ничто не умалило силы суждения Дэвида Юма, что, опровергнув самоочевидную механистическую философию, Ньютон «возвратил изначальные тайны [природы] в тот мрак, в котором они всегда пребывали и будут пребывать»» [8. С. 81, 82].

Таким образом, рассуждая об априори коммуникативного сообщества и о его предполагаемых компетенциях, мы с очевидностью должны признать следующее: во-первых, верификация знания, являясь неотъемлемым и завершающим этапом конструирования модели, становится возможной в силу интересубъективности знания / дискурса; во-вторых, дискурс, учитывая внутреннюю структуру его отношений, обладает качеством имплицативности, которое предопределяет его разнообразие и многомерность (множество вариантов интерпретационных моделей). Принимая во внимание то, что Н. Хомский определил как утрату нормы науки и требования понимаемости в связи с открытиями И. Ньютона [8. С. 83], необходимо констатировать, что именно посредством феномена *понижаемости* субъект познания тем или иным приемлемым для него способом конституирует определённый дискурс, в котором происходит перераспределение смыслов (смысла *мира* и смысла *факта*) посредством априорности имплицативности дискурса.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Проблема интеллектуальной интуиции и пр. в данном контексте не рассматривается.

<sup>2</sup> «...и именно поэтому философия и наука о духе для него (Витгенштейна. – М.Г.) невозможны как науки, так как они... имеют дело не с встречающимися внутри мира фактами, а с языком как условием смысла фактов» [3. С. 114].

<sup>3</sup> Здесь нельзя не воспользоваться выводом Ф. Капры: «Современная физика самым драматическим образом подтвердила... что все используемые нами для описания природы понятия ограничены, что они являются не свойствами действительности, как кажется нам, а продуктами мышления...» [4. С. 112].

<sup>4</sup> Примером может быть следующее: рассуждение (доказательство вины или её отсутствия) героя Конан Дойля мистера Ватсона с точки зрения самого мистера Ватсона будет аргументированным и безупречным, но с точки зрения его друга (и его дедуктивного метода) мистера Шерлока Холмса оно будет совершенно абсурдным. То есть Ватсон как член априори коммуникативного сообщества создал схему / рассуждение, в рамках которой всё согласовано, но Холмс, тоже как член того же сообщества, опровергая рассуждения своего друга, фактически осуществляет возможность легитимации предложенной схемы, и поскольку данная схема не согласуется (в данном случае) с дедуктивным методом, с мета-схемой, постольку в этой мета-схеме схема / рассуждение Ватсона невозможна ввиду её абсурдности. Однако вне применения в качестве *проверки* мета-схемы Холмса, что само по себе является необходимым условием априори, схема Ватсона сохраняет свою актуальность.

<sup>5</sup> Здесь для пояснения можно воспользоваться следующей «параллелью», сформулированной У. Эко: «...структуры разных языков и исторические сложившиеся коды могут существовать, но это не структура языка как такового, не некая Пра-Система, не Код Кодов. Последний никогда не станет нашей добычей. Никакое металингвистическое изучение элементарных механизмов языковой деятельности невозможно именно потому, что в основе нашего говорения о механизмах таковой деятельности лежит сам язык. Изучать язык – значит только ВОПРОШАТЬ язык, давая ему жить своей жизнью» [5. С. 31].

<sup>6</sup> Здесь очень кстати пример И. Лакатоса относительно пролиферации научных теорий, т.е. теория появляется тогда, когда она *определённым образом* подготовлена развитием научной парадигмы (имплицитно представлена в схеме действующей / сложившейся парадигмы) и т.д.

<sup>7</sup> Для этого достаточно вспомнить проблему «третьего человека» у Аристотеля.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаренко М.В. Принцип интересубъективности и значение верификации знания в неопозитивизме // Философия науки. 2014. № 2.
2. Суровцев В.А. Аналитическая философия: всеобщее и нюанс // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 23–29.
3. Апель К.-О. Трансформация философии. М.: Логос, 2001. 344 с.
4. Капра Ф. Дао физики. Общие корни современной физики и восточного мистицизма. М.: София, 2008. 416 с.
5. Эко У. Отсутствующая структура. СПб.: Symposium, 2006. 544 с.
6. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. II. С. 5–73.
7. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. II. С. 78–319.
8. Хомский Н. О природе и языке. М.: КомКнига, 2005. 288 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 26 сентября 2014 г.

## THE PROBLEM OF TRANSFORMATION OF THE WORLD OF FACTS INTO MEANING OF FACTS IN THE ANALYTICAL PHILOSOPHY OF K.-O. APEL

*Tomsk State University Journal*, 2014, 388, pp. 54–58.

**Goncharenko Mark V.** Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: markgon73@rambler.ru

**Keywords:** communicative community; K.-O. Apel; implicative discourse; conventionality; understanding.

This article considers the problem of the transformation of the world of facts into meaning of facts in the analytical philosophy of K.-O. Apel. The article proves that the inter-subjectivity of the unified interpretation of the world as such is defined by communicative community, whose apriority is predetermined by the transcendence of the language game. Implicative discourse with respect to the background knowledge is considered not as historical, but as a priori. The value of the factor of the world (extra linguistic reality) has a specific content; the world of facts – the world of meanings (facts) is a dichotomy permanently determining the relevance of a particular aprioristic choice of the subject of knowledge. It is established that why the scheme representing a certain argument and the problem of reliability of this scheme are interconnected like language and meta-language. Therefore, the limit base K.-O. Apel indicated shows not only the absence of the actual difference between dogma and irrationality, but also that the background of knowledge / argument is the basis of any constituted scheme; i.e. discourse is its consequence, discourse is implicatively caused. Also an assumption is formulated that the problem of the "factual correctness of language sentences" is a problem predetermined by the relationship of linguistic signs and extra-linguistic facts. In consideration of the dichotomy of "truths of facts" and "truths of reason" ignored by logical positivism, it can be argued that the relationships between the linguistic and extra-linguistic reality, in a certain way a priori formed in a specific discourse, for the subject of knowledge are what K.-O. Apel calls self-positing of binding reason. Therefore, a priori reasoning about the communicative community and its (possible / expected) competences we must recognize the following: first, this competence was formed within the history of the communicative community; second, verification of knowledge, being an integral and final stage of the model construction, becomes possible due to the inter-subjectivity of knowledge / discourse; thirdly, discourse, considering the internal structure of its relations, has implicative quality, that determines its diversity and ambiguity / multidimensionality (many options of interpretation models).

#### REFERENCES

1. Goncharenko M.V. The principle of intersubjectivity and the importance of knowledge verification in neo-positivism. *Filosofiya nauki*, 2014, no. 2, pp. 3-13. (In Russian).
2. Surovtsev V.A. Analytical Philosophy: General and Nuance. *Voprosy filosofii*, 2010, no. 8, pp. 23-29. (In Russian).
3. Apel K.-O. *Transformatsiya filosofii* [Transformation of Philosophy]. Translated from German by V. Kurennoy, B. Skuratov. Moscow: Logos Publ., 2001. 344 p.
4. Capra F. *Dao fiziki. Obshchie korni sovremennoy fiziki i vostochnogo mistitsizma* [The Tao of Physics. Common roots of modern physics and Eastern mysticism]. Translated from English by V.G. Trilis Moscow: Sofiya Publ., 2008. 416 p.
5. Eco U. *Otsutstvuyushchaya struktura* [The absent structure]. Translated from Italian. St. Petersburg: Symposium Publ., 2006. 544 p.
6. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty* [Works on philosophy]. Translated from English. Moscow: Gnozis Publ., 1994. Pt. II, pp. 5-73.
7. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty* [Works on philosophy]. Translated from English. Moscow: Gnozis Publ., 1994. Pt. II, pp. 78-319.
8. Chomsky N. *O prirode i yazyke* [On Nature and Language]. Translated from English. Moscow: KomKniga Publ., 2005. 288 p.

Received: 26 September 2014